Текст · 23 августа 2022, 09:58
Энн Эпплбаум,

«Без волонтеров продолжать войну невозможно». Репортаж Atlantic о «второй украинской армии»

Лауреат Пулитцеровской премии за книгу «ГУЛАГ. Паутина Большого террора», корреспондент журнала Atlantic Энн Эпплбаум отправилась в Одессу, чтобы исследовать, как работает украинское волонтерское движение. «Медиазона» публикует перевод ее статьи.

В истории бывают поворотные точки: ход событий резко меняется и будущее сразу становится ясным. Но бывают и периоды неопределенности — дни и даже недели, когда все кажется зыбким и никто не знает, что будет дальше. Именно такое чувство возникает летом 2022 года в Одессе, которая попала в круговорот больших исторических событий. Уже давно прошла паника, охватившая местных жителей в феврале, когда казалось, что российское вторжение может закончиться быстрой победой. Теперь это полупустой жаркий город, застывший в ожидании, что же будет дальше.

Дым от ракетного обстрела в Одессе, 16 июля 2022 года. Фото: Nina Lyashonok / AP

Кто-то готовится к худшему. Одесса уже пережила десятинедельную немецко-румынскую осаду во время Второй мировой, затем — три года

оккупации. Нынешний мэр города Геннадий Труханов рассказывает, что на складах уже запасают провизию и лекарства на случай, если история все же повторится. 11 июля СБУ задержала российского шпиона, который пытался установить позиции потенциальных целей для авиаударов. 23 июля, несмотря на достигнутое накануне соглашение о вывозе украинского зерна, Россия нанесла удар по одесскому порту. Прекрасная набережная со знаменитой Потемкинской лестницей перегорожена лабиринтом укреплений из бетонных блоков и колючей проволоки. А всего в нескольких часах езды — оккупированный российскими войсками Херсон, где за украинскую речь можно угодить на допрос.

контент по ссылке

Telegram

Медиазона

В Одессе после обстрела горит порт Люди на пляже наблюдают за ракетами. Видео: УНИАН Не работает ссылка? Читайте здесь

https://t.me/mediazzzona/9127

Но в то же время в центре Одессы, среди старинных итальянских фасадов, гуляют и сидят под зонтиками кафе люди. Украинский писатель Андрей Курков недавно писал: «Раньше я очень внимательно относился ко времени, старался использовать его как можно более эффективно... [Теперь же] я внимательно отношусь к войне». В Одессе люди относятся к войне очень внимательно, можно даже сказать, что они ею одержимы. Многие из тех, с кем я встречалась, поставили себе на телефоны приложения, которые дублируют сигналы воздушной тревоги. Но когда телефоны

начинают выть, они выключают звук. Страх нормализуется до такой степени, что в какой-то момент сливается с шумом города. В моей гостинице было бомбоубежище — комната без окон, но никто не шел туда, когда звучала тревога. «Вам либо повезет, либо нет», — сказал мне портье. От судьбы не убежишь.

Те, кто не может жить в постоянном напряжении, уехали за границу и не знают, могут ли вернуться; другие все еще раздумывают, уезжать им или нет. Закрываются компании, мне рассказывали об одной фирме: в первую неделю войны владельцы просто уволили всех сотрудников и уехали в Испанию. Инвестиции заморожены. И все это не случайность, а часть стратегии России, которая пытается деморализовать и демотивировать украинцев.

Это работает. Но только до определенной степени.

Истощение Одессы — это декорация, но не сюжет. Апатия, тревога и страх поражения одолели в городе далеко не всех. Напротив, в эту странную пору, когда, кажется, даже время считать бессмысленно, многие люди разворачивают кипучую деятельность. По всему городу студенты, бухгалтеры, парикмахеры и вообще представители всех мыслимых профессий объединились в беспрецедентное общественное движение. Они называют себя волонтерами, и их организации, кампании по сбору денег и прочий активизм помогают понять, почему украинская армия сражается так яростно и успешно, почему десятилетние попытки России поглотить Украину по большей части заканчиваются ничем, даже (или в первую очередь) в русскоязычной Одессе.

В парализованном городе, где уничтожена экономика и никто не может ничего планировать, волонтеры творят будущее. Они не боятся поражения, осады или оккупации, потому что уверены, что победят.

* * *

Практически на пустом месте — в потрепанном жилом доме на краю пустыря — Анна Бондаренко уже создает сообщество, убежище от войны. В штаб-квартире Украинской волонтерской службы (УВС) высокие потолки. В самой большой комнате, уставленной столами, на одной из стен написано: «Добра дія має велику силу»[1]. Еще тут есть кухня — волонтеры часто едят вместе — и несколько комнат с двухъярусными кроватями. Бондаренко рассказывает, что год жила в Америке, когда ей было пятнадцать, и тогда ей впервые в жизни пришлось

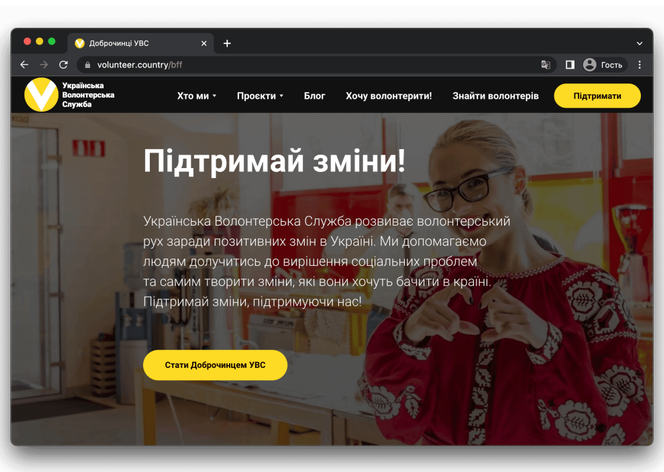
объяснять, где находится Украина и что это за страна. Она из русскоязычной семьи, но в тот момент поняла: ей нравится идея, что она — украинка. Тогда же Бондаренко узнала, что такое общественная работа. Она стала волонтером в церкви, в которую ходила принимавшая ее американская семья, а потом в национальном парке и приюте для животных. Бондаренко вспоминает, как участвовала в конкурсе: нужно было набрать 150 часов общественных работ, чтобы получить сертификат, подписанный Бараком Обамой. (Увы, ее бумагу подписал кто-то другой.)

Дома она начала волонтерить на фестивалях, один, к примеру, был посвящен Дню независимости Украины. Но в перерывах между фестивалями они с друзьями никак не могли найти организацию, которая бы их вдохновляла. В конце концов Бондаренко основала УВС. Главная цель — соединять людей, которые хотят быть волонтерами, с теми, кому нужна помощь. Команда сделала внятный сайт, наладила связи с единомышленниками по всей стране и стала проводить тренинги по выходным. Им даже удалось привлечь какое-то финансирование (в том числе небольшой грант от Национального фонда в поддержку демократии, *NED*, в правление которого я вхожу).

Потом началась война — и спрос стал невероятным.

Среди сотрудников УВС нет ни одного человека старше 30, а некоторым даже нет 20. Самой Бондаренко 26, она среди самых великовозрастных сотрудников. Несмотря на это, с первых часов российского вторжения 24 февраля служба смогла обработать тысячи запросов на помощь, создала

целую сеть сайтов, чатов и чат-ботов, которая объединила больше 100 тысяч человек — бухгалтеров, водителей, врачей — и больше 900 организаций по всей стране. Они находят УВС через инстаграм, фейсбук, телеграм и тикток. Если вбить в украинский гугл фразу: «Я хочу стать волонтером», первая строчка поисковой выдачи — это сайт службы. Команда Бондаренко собирает волонтеров, чтобы они раздавали продуктовые наборы людям, потерявшим дома, разбирали завалы после бомбардировок и обстрелов. Те, кто готов к серьезному риску, ездят на машинах и автобусах в зону боевых действий и вывозят оттуда людей. В службу обращаются с самыми разными вопросами: «Как делать коктейли Молотова?», «Как нам эвакуироваться?». И волонтеры ищут тех, кто может помочь.

Скриншот главной страницы сайта Украинской волонтерской службы

Иногда им приходится спасать коллег. Лиза — волонтер службы из Мелитополя, который был захвачен в начале войны. Я не называю ее фамилию, потому что родители Лизы находятся в зоне оккупации, в деревне на юге Украины. Но могу сказать, что у нее рыжеватые волосы, белый маникюр и патриотическая татуировка со снопом пшеницы на запястье. В Мелитополе российские патрули постоянно проверяли у местных жителей татуировки. Она прятала пшеницу под длинными рукавами, но всякий раз, когда ее останавливали, была в ужасе. И тем не менее Лизе удавалось доставлять

еду в те части города, которые были отрезаны от центра. Она оставалась в Мелитополе до тех пор, пока кто-то из местной волонтерской организации не позвонил Бондаренко и не сказал, что Лиза в списках: ее собираются арестовать или похитить. В течение нескольких часов УВС вывезла ее из города.

Теперь Лиза координирует работу волонтеров на оккупированных территориях при помощи зашифрованных мессенджеров и телеграм-каналов. Примерно тем же занимается Степан Воронцов, координатор УВС из оккупированной Новой Каховки. Как и Лиза, он оставался в городе больше месяца после прихода российских войск. Вместе с коллегами они собрали немного денег, закупали еду и лекарства и раздавали тем, кто потерял дом и работу. Волонтеры Новой Каховки носили нашивки с красным крестом — они надеялись себя обезопасить, но эффект был ровно противоположный. Российские солдаты останавливали всех, у кого были такие нашивки, допрашивали, а некоторых задерживали. К тому времени как Воронцов покинул Новую Каховку, волонтеры научились чистить телефон каждый день перед тем, как выходить на улицу, и отвечать на вопросы патрулей. Мы говорили с ним по видеосвязи, он сейчас в Грузии. «Люди все время уезжают, — рассказывает Воронцов. — Скоро уже никого не останется, чтобы помогать».

В каком-то смысле подозрения, которые вызывали у россиян Воронцов и Лиза, имели под собой основания. Большинство волонтеров на местах занимаются исключительно гуманитарной помощью, но есть очевидная связь между участием в общественной жизни — любой общественной

жизни — и украинским патриотизмом. И это не новое явление. Какими бы ни были мотивы людей, которые занимались волонтерством до войны — и неважно, в сфере ли музыки, искусства или защиты животных, — их объединяла идея, а может, даже идеал демократической Украины. Именно поэтому сейчас они активно помогают фронту. Сергей Лукачко, который часто бывает в офисе УВС, несколько лет назад основал сайт «Мой город», посвященный культурной жизни Одессы. Теперь он вместе с коллегами использует свои фандрайзинговые таланты, чтобы собирать деньги для одной из бригад украинской армии. При помощи краудфандинга они собирают деньги на бронежилеты, форму и так необходимые в зоне боевых действий полноприводные джипы. «Мы с ними общаемся раз в неделю, — говорит Лукачко. — Они дают мне список».

Офис УВС иногда производит довольно мрачное впечатление, ведь здесь собираются очень молодые люди, проживающие травму насильственного перемещения, и у всех есть друзья или родные, которые находятся в смертельной опасности. Лиза взяла за правило каждый день хотя бы по несколько секунд говорить с родителями, просто чтобы удостовериться, что у них все нормально. Молодой человек Бондаренко служит в армии. Когда мы обедали в крымско-татарском ресторане, она рассказала мне, что потеряла нескольких друзей на войне. Когда она узнала о гибели друга в первый раз, то прорыдала весь вечер. Во второй второй раз она решила, что будет оплакивать всех, когда война кончится и «мы победим».

Прямо сейчас она очень занята. Как и все, кто сидит рядом с ней, и общая энергия вдохновляет и двигает их вперед. В мире одесских сообществ никто больше не борется за финансирование. Никто не пытается занять какой-нибудь пост или добиться престижного положения. «Люди просто стараются помогать друг другу, — говорит Бондаренко. — Все очень сильно изменилось». Она хочет, чтобы именно так жила в будущем Одесса и вся Украина.

* * *

Бондаренко и ее команда вдохновлялись американскими примерами социальных проектов — красивые сайты, бойкие посты в соцсетях, — но у того, что происходит в Одессе, есть и другие культурные корни. Например, «толока» — это слово в украинском, русском и даже балтийских языках значит спонтанное объединение ради какой-то общественной цели. Если у кого-то сгорел дом, вся деревня помогает его отстроить. Это толока. Когда умирает мужчина, деревня помогает его вдове убрать урожай. Это тоже толока. Писатель Андрей Курков определяет толоку как «общественную работу на общее благо», и это объясняет, почему огромное число людей жертвуют столь многим, чтобы помочь общему делу.

Волонтеры разгружают грузовик с едой в Одессе, 24 марта 2022 года. Фото: Petros Giannakouris / AP

Взять, к примеру, Дмитрия Милютина: его мир совсем не похож на старосветскую украинскую деревню. У него парфюмерный магазин в центре Одессы, где продаются духи известных брендов и диковинки вроде аромата дыма и пирога с яблоками. Он разрабатывает индивидуальные ароматы и считает себя знатоком «не только запахов, но и эмоций». После начала войны он продал пятую часть своей парфюмерной коллекции и взял кредит, чтобы закупить высококачественную форму для украинских солдат, которые сражаются неподалеку от Одессы. Армия Украины снабжает их обычной формой, у них нет удобных разгрузок для оружия и аптечек или легких рюкзаков, как у американских военных. Милютин договорился с местным дизайнером одежды, чтобы тот отложил обычные заказы и стал шить жилеты с липучками, чтобы облегчить жизнь бойцам ВСУ. И у него тоже есть прямой контакт с военным командованием.

Пока мы беседовали с Милютиным, к нему зашли за парфюмом две женщины, на каблуках и в макияже. Они прыскали духами на маленькие бумажные полоски-блоттеры и нюхали их, пока хозяин магазина рассказывал мне о раскройках для рюкзаков, которые были разложены прямо здесь, на полу. Дамы не обращали особого внимания на рюкзаки — для них это стало нормой точно так же, как сирены воздушной тревоги.

Неподалеку от магазина Милютина, в квартире Александра Бабича, все тоже завалено спальниками, подстилками, биноклями и приборами ночного видения: на все это добро удалось собрать деньги, а теперь его нужно рассортировать. Бабич — известный

историк, автор книги «Одесса 1941–1944» о том, как город жил под нацистской оккупацией, как выживали люди и как, по его словам, «одни помогали врагу, а другие сопротивлялись». Когда началась война, он увез семью за границу, а потом вернулся домой и начал готовиться к приходу нового врага. Вместе с несколькими историками из Херсона, которые теперь живут у него в квартире, он находит, закупает за границей, складывает среди книг в кабинете, а потом распределяет армейское оборудование. Сами они тоже ходят на стрельбище, просто чтобы не терять форму. В некотором смысле они поддерживают украинских солдат так же, как это делали участники сопротивления десятки лет назад — просто используют интернет, чтобы собирать деньги и покупать все необходимое.

И они не одиноки. В полузаброшенном здании на другом конце города Наталья Тополова познакомила меня с женщинами, которые при поддержке патриотически настроенного флориста плетут специальные камуфляжные покрывала и костюмы для снайперов. «Павучки» или «павучихи»[2], как они себя называют, собираются после работы или когда не заняты детьми и нашивают разноцветные лоскутки на ткань и сетки. В кафе два одесских инженера объясняют мне, как они вместе со знакомыми армейскими офицерами подбирают оптику для украинских солдат. Они собрали деньги и уже начали завозить оборудование из Америки и Японии.

В элегантной галерее знаменитого украинского скульптора Михаила Ревы тоже витает дух толоки. Изначально его фонд *Reva Foundation* занимался поддержкой художественного образования и

урбанистических проектов, но теперь закупает аптечки для армии. Благодаря широким международным связям, которыми Рева оброс за долгие годы работы — друг из Одессы, который теперь живет в Сан-Диего, художники и дизайнеры со всего мира, — он может оплачивать программы по обучению солдат первой помощи, главным образом наложению жгутов, которые спасают множество жизней на фронте. Рева смог мобилизовать гражданское общество не только в Украине, но и в других странах на поддержку украинской армии.

Масштаб всех этих начинаний поражает стороннего наблюдателя, но ничего удивительного тут нет. В Америке и Европе термин «гражданское общество» скукожился и стал очень узким. Обычно мы используем его для обозначения правозащитных групп или НКО, сводя все к набору организаций с отделами кадров и складными текстами «Наша миссия». Но гражданское общество может быть анархическим, спонтанным в своей сути, набирающим силу в экстренных и кризисных ситуациях. Оно может выглядеть как классная комната в Одессе, от пола до потолка уставленная консервами, туалетной бумагой, подгузниками, мешками макарон, — здесь бывшая предпринимательница Наталья Богаченко устроила пункт распределения гуманитарной помощи (по ее определению, «контролируемый хаос»). А может выглядеть как два шикарных ресторана, в которых хозяин Слава Балбек устроил полевые кухни для тероборонy Киева в первые недели войны, а в итоге организовал 25 кафе и две пекарни, которые каждый день готовили тысячи порций еды.

Балбек известен в первую очередь как архитектор, основатель одного из самых успешных дизайн-бюро в Украине. На руке у него набит узор в стиле Казимира Малевича — еще один неожиданный поворот украинской национальной татуировки. Обычно Балбек общается с художниками и архитекторами, он проектировал гостиницы и офисы в Китае и Калифорнии, но в первые дни войны, в окружении поваров, пекарей и волонтеров, он почувствовал ни с чем не сравнимый прилив творческой энергии, способности придумывать и приспосабливаться, когда из ничего получалось что-то. «Так, у нас нет ничего, кроме яиц... Но они говорили: "Ну и ладно, давайте весь день готовить завтраки!"» — рассказывает Балбек. В конце концов, по его словам, «твои соратники-волонтеры становятся как вторая семья». И ты уже никогда их не забудешь.

* * *

У этой истории есть и темная сторона. Если бы украинская армия была лучше экипирована, или если бы Украина в целом была более процветающей страной с более эффективной властью, или если бы украинцы в последние 30 лет не тратили столько сил и времени на то, чтобы придумывать коррупционные схемы и бороться с ними, возможно, в нынешнем мощном общественном движении просто не было бы необходимости. Волонтеры появились в таком количестве ровно потому, что у украинских солдат нет аптечек, у снайперов — правильного камуфляжа, а у властей нет возможности быстро обеспечить их всем необходимым. Их успех определяется тем, что известные и деятельные люди могут

преодолевать бюрократические препоны импорта, собирать деньги быстрее, чем это делает государство, и доставлять снаряжение и припасы непосредственно офицерам или беженцам в зоне боевых действий. «Без волонтеров продолжать войну невозможно», — говорит знаток экзотических ароматов Милютин. Но это не может не вызывать беспокойства: адреналин, который нужен, чтобы продолжать работать, на исходе. Даже волонтерам надо на что-то жить.

Волонтеры наполняют мешки песком для строительства баррикад в Одессе, 5 марта 2022 года. Фото: Max Pshybyshevsky / AP

Но многие надеются, что активистская волна, которая поднялась из-за несовершенства украинского государства, поможет перестроить его — точно так же, как это уже было после Оранжевой революции 2004–2005 годов и протестов 2013–2014-го. Ровно потому, что Одесса — русскоговорящий город с космополитичной историей, ровно потому, что Одесса хорошо помнит времена нацистской оккупации, волонтерское движение здесь объединило многих горожан и ведет их к «украинизации» и тому, что этот термин теперь олицетворяет: демократии, открытости и европейской идентичности.

В Одессе этот процесс уже пошел. Наталья Богаченко из центра помощи беженцам говорит по-русски, но у нее нет сомнений в том, кто она: «Греки, евреи, русские, украинцы — если у вас есть украинский паспорт, то вы украинцы». Скульптор Рева, который

еще в советские времена учился в Ленинграде, считает нынешний конфликт противостоянием добра и зла, в котором очень просто выбрать сторону. Он говорит, что русские — в том числе многие его бывшие друзья и коллеги — «хотят все уничтожить и превратить нас в рабов». Одесский мэр Труханов существенную часть нашей беседы посвятил старым обвинениям в сокрытии российского гражданства и связей с Россией, хотя я его об этом и не спрашивала. Он сделал выбор — за Украину и против России — и хочет, чтобы все об этом знали.

Жизненный опыт этих украинцев уже создал пропасть между ними и их российскими соседями. Владимир Путин любит говорит о том, что русские и украинцы — это один народ. Но нынешняя гражданская и военная мобилизация в Украине — лучшая иллюстрация того, как быстро могут разойтись в противоположные стороны люди и целые народы. И хотя в России есть несколько инициатив по сбору денег для армии, это совершенно несравнимо по масштабам с тем, что происходит в Украине: нет массового гражданского активизма, нет команд волонтеров, нет ничего похожего на *Kalush Orchestra* — украинскую группу, которая выиграла «Евровидение» и продала приз с аукциона за 900 тысяч долларов, чтобы купить три беспилотника для армии.

Ничего удивительного в этом нет. Владимир Путин идет по стопам своих советских предшественников и уничтожает все ростки гражданского общества, которые успели возникнуть в России после распада Советского Союза. Он выдавливает из страны все спонтанное и самоорганизующееся, и речь не

только о давлении на независимые СМИ, но и об исторических обществах, экологах, «Свидетелях Иеговы». Ленин крайне настороженно относился к любым, даже самым аполитичным и заурядным группам и организациям, если они не были в прямой зависимости от партии; Путин унаследовал его паранойю.

Чтобы не дать людям возможности объединяться и убедить их в том, что нет никакого смысла что-то делать или пытаться что-то изменить, российское государство и пропагандистская машина два десятилетия создавали в стране атмосферу страха, апатии и цинизма. Каждый день ведущие теленовостей издеваются над Западом и регулярно говорят о ядерной войне, доходя до угроз «уничтожить» Британию или Нью-Йорк. В результате россияне не выходят на массовые протесты против войны, но при этом и не организуют массовых акций в ее поддержку. Загадочная кампания *Z* (почему именно *Z*? никто так толком и не объяснил) существует в телевизоре и социальных сетях, но не на улицах.

Напротив, настоящие низовые инициативы — это анонимные группы храбрецов, которые тихо помогают насильно вывезенным из Украины в дальние концы России людям вернуться домой. Несколько недель назад я встречалась с российской активисткой, которая покинула страну. Она описывала цепочку, которую нужно было выстроить, чтобы помочь молодой украинке с маленьким ребенком, но без паспорта и виз (она их потеряла в хаосе) уехать с Дальнего Востока, через всю Россию, в Эстонию. Но такие активисты оказываются

преследуемым меньшинством. Сама она уехала из России еще до начала вторжения; ее коллеги по российскому аналогу «Подпольной железной дороги»[3] действуют скрытно.

В Украине она возглавляла бы успешную и уважаемую организацию. В России ее могут арестовать как «врага народа». Один этот парадокс объясняет, как велика разница между двумя странами.

* * *

Я начала эту статью с описания двойственности, которая чувствуется в одесской духоте, и закончить следует напоминанием: это чувство никуда не девается. В волонтерском движении участвуют очень многие, но далеко не все. Украину нельзя назвать нацией святых. Далеко не каждый, у кого есть украинский паспорт, борется за свою страну — и не каждый собирается здесь оставаться. Не все украинцы активны, отважны и оптимистичны. Мой нью-йоркский знакомый так описывает реакцию на войну украинца, который работает на Уолл-стрит: «Мне нужно вытащить оттуда семью, и больше я туда не вернусь никогда». В поезде из Варшавы в Киев я встретила женщину, которая возвращалась домой, но была очень скептически настроена к украинскому президенту и верила во всевозможные теории заговора: «Почему моя квартира пострадала, а дома богатых стоят целые?».

Но сейчас важно, как именно будут развиваться события, и голоса таких людей не будут решающими для послевоенной Украины. Главные роли в

стране будут играть те, кто остались, стали волонтерами, строили спонтанно возникающие организации, тратили силы на то, чтобы пекари, таксисты и медики могли помогать фронту. Именно волонтеры будут определять послевоенную культуру Украины, отстраивать заново города и вести страну в будущее. Они будут противостоять российскому влиянию, российской коррупции и российской оккупации, потому что современное российское государство угрожает не только их жизням и собственности, но и их идентичности. Они противостоят автократической России, которая подавляет любую спонтанность и творчество — и это противостояние будет длиться еще долго после окончания войны.

Одесса все еще находится в круговороте больших исторических событий. Я пишу эту статью и не знаю, что будет дальше. Но я могу сказать точно: активисты и волонтеры в Одессе и по всей стране верят, что следующим большим историческим событием будет не очередная катастрофа, а победа Украины.

Автор: Энн Эпплбаум

Оригинал: *“The Other Ukrainian Army”, The Atlantic, August 10, 2022.*

Перевод: Д. Г.

1. «Доброе дело обладает великой силой».
2. «Паучки» или «паучихи».

3. Тайная система, которая использовалась для переправки беглых чернокожих рабов с американского Юга на Север вплоть до 1861 года, когда началась Гражданская война в США.